

УДК 811.512.155

<https://doi.org/10.25587/3034-7378-2025-4-94-110>

Оригинальная научная статья

Лексико-семантическая группа «Жилые постройки» в шорском языке на фоне общетюркской лексики

И. В. Шенцова

Институт филологии СО РАН,
Новосибирск, Российская Федерация
 ivshen@yandex.ru

Аннотация

В гуманитарном пространстве современной цивилизации большое внимание уделяется феноменам языка и культуры малочисленных этносов и проблеме ревитализации исчезающих языков. В настоящее время проводится изучение языковых систем малочисленных народов, фиксируются результаты исследований. Культуру этноса наиболее ярко отражает лексический фонд языка. Перспективным направлением исследований лексики является тематическая презентация единиц лексикона. Слова, обозначающие жилые постройки, составляют важную часть лексики языка, они являются хранителями сведений о развитии этноса в процессе освоения пространства. Лексические единицы, которые входят в общий фонд шорского языка, сохраняют признаки говоров и диалектов, указывают на межэтнические связи. Целью данной работы является описание лексико-семантической группы как части шорского лексикона. В качестве основных методов использованы положения сравнительно-исторического языкознания и прием тематического описания лексики. В результате определен актуальный состав лексико-семантического подразделения, представлен исторический фон, на котором функционируют шорские лексемы, показана связь шорского языка, его диалектов и говоров с тюркскими языками разных классификационных групп. Интегрированная общетюркская лексика в шорском языке отражает древнее генетическое родство тюркских этносов. Лексикологическое описание единиц шорского языка выявляет и его ареальные особенности. Практическое значение имеет проведенная фиксация тематической лексики и ее контекстов, что позволяет консервировать аутентичные языковые единицы, необходимые для процесса сохранения языка и оптимизации его использования в устной и письменной речи носителей. В перспективе рассмотренная лексико-семантическая группа «Жилые постройки», являясь

составной частью тематического поля «Обитаемое пространство человека», позволяет перейти к описанию названий типов поселений у шорцев. Полученный сегмент лексикона войдет в тезаурус шорского языка как его составная часть.

Ключевые слова: сравнительно-историческое языкознание, ареальная лингвистика, лексикология, лексико-семантическая группа, тезаурус, древнетюркские языки, тюркские языки, шорский язык, сибирские тюрки, малочисленные этносы

Для цитирования: Шенцова И.В. Лексико-семантическая группа «Жилые постройки» в шорском языке на фоне общетюркской лексики. *Арктика XXI век*. 2025;(4):94–110. DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378-2025-4-94-110>

Original article

The lexico-semantic group “Residential buildings” in the Shor language against the background of common Turkic vocabulary

Irina V. Shentsova

Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation

 ivshen@yandex.ru

Abstract

In the humanitarian space of modern civilization, much attention is paid to the phenomena of languages and culture of small ethnic groups and the problem of the revitalization of endangered languages. Currently, the linguistic systems of small-numbered peoples are being studied and research results are being recorded. The lexical fund of the language most vividly reflects the culture of an ethnic group. A promising area of vocabulary research is the thematic presentation of lexicon units. Words denoting residential buildings form an important part of the vocabulary of the language, they are the keepers of information about the development of an ethnic group in the process of space exploration. Lexical units that are part of the general stock of the Shor language retain signs of dialects and indicate inter-ethnic ties. The purpose of this work is to describe the lexico-semantic group as a part of the Shor lexicon. The research materials are original Shor texts, data from dictionaries, grammatical and etymological descriptions. The basic research method uses the provisions of comparative historical linguistics, as well as the method of thematic description of vocabulary. As a result, the current composition of the lexical and semantic division is outlined, the historical background on which the Shor lexemes

function is presented, the connection of the Shor language, its dialects with the Turkic languages of different classification groups is shown. The integrated common Turkic vocabulary in the Shor language reflects the ancient genetic kinship of the Turkic ethnic groups. The lexicological description of the units of the Shor language reveals its areal features. The fixation of thematic vocabulary and its contexts is of practical importance, it helps to preserve authentic linguistic units necessary for the process of preserving the language and optimizing its use in the oral and written speech of native speakers. In the future, the considered lexical and semantic group “Residential buildings”, being an integral part of the thematic field “Human habitable space”, makes it possible to describe the names of settlement types among the Shors. The resulting segment of the lexicon will be included in the thesaurus of the Shor language as an integral part of it.

Keywords: comparative linguistics, areal linguistics, lexicology, lexico-semantic group, thesaurus, Ancient Turkic languages, Turkic languages, Shor language, Siberian Turkic peoples, small ethnic groups.

For citation: Shentsova I.V. The lexico-semantic group “Residential buildings” in the Shor language against the background of common Turkic vocabulary. *Arctic XXI Century*. 2025;(4):94–110 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378-2025-4-94-110>

Введение

В данной работе проводится системное описание лексики языка шорцев на примере отдельной лексико-семантической группы. Шорцы – коренное тюркское население Кемеровской области, включенное в список монголо-тюркских народов Севера, Сибири и Дальнего Востока [1, с. 5–12]. Освещение лексики исчезающего языка можно отнести к одному из средств на пути его ревитализации.

Шорский язык, как этнолингвистический феномен, сформировался на базе языков племен, населявших долины верховьев реки Томь, а именно ее крупных притоков: р. Мярассу, Кондома, Аба. Территория Шории с древних времен подвержена процессам активной миграции народов. Длительный этногенетический процесс привел к постепенному стиранию различий между мярасским и кондомским диалектами шорского языка, что позволяет считать современных шорцев единым народом [2, с. 7–154].

В системах шорского языка (фонетике, грамматике, лексике) обнаружаются следы языков-субстратов и языков-адстратов. Включенный в классификационное подразделение «Сибирские языки» [3, с. 733], шорский язык обнаруживает элементы языков других подразделений

тюрков (огузов, кыпчаков, карлуков, булгар), а также элементы, свидетельствующие о связях шорского языка с палеоазиатскими, самодийскими, тунгусо-маньчурскими, угорскими, монгольскими языками и китайским языком.

Межэтнические связи наиболее очевидно отражены в лексике. Тюркские языки Сибири (диалекты сибирских татар, чулымско-турецкий, алтайский, хакасский, шорский, тувинский и тофаларский языки) по многим признакам объединены в языковой союз [4, с. 219–231; 2, с. 186–196]. Лексические параллели, отдельные изоглоссы отражены в материалах диалектологического атласа тюркских языков Сибири [5]. Тематический подход к освещению данных о лексике тюркских языков осуществлен в «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика» [6].

Материалы и методы

В основе данной работы лежат методы и приемы сравнительно-исторического языкознания, а также способ представления концептов, разработанный в отечественной тюркологии. Материал сопоставления, полученный из монографий, этимологических и двуязычных словарей, распределен по генетическим группам для выявления шорских межязыковых контактов.

Метод тематического описания шорской лексики является инновационным. Концепты, касающиеся важных сфер жизни шорцев, и рассмотренные на фоне данных из других языков, достоверно отражают исторические связи и межкультурное взаимодействие в языковом пространстве России и прилегающих территорий, что является актуальной проблемой современного общества.

В русле тематических разработок лексики шорского языка написаны статьи, касающиеся сфер «культура» и «социум». Опубликованы работы о шорских терминах литературных жанров, названиях музыкальных инструментов, лексемах с семантикой ‘народ’ и др. Шорский материал, освещаемый в сопоставлении с данными из других языков, уточняет «территории покрытия аналоговыми единицами» в системе тюркских лингвистических ареалов [7; 8; 9].

Поступательное описание тематических подразделений шорского языка формирует общую картину его лексической системы, показывает пути формирования языка шорцев в интеграции с языками окружающих этносов.

Названия жилищ – элемент оформления обитаемого пространства. Постройки относятся к денотатам – артефактам, противопоставленным природным объектам (ландшафту). Рассматриваемые лексические

единицы с семантикой «жилье» отражают формы бытования этноса, этапы складывания общешорского языка на основе его диалектов и говоров.

Практическая значимость работы заключается в возможности ее использования при составлении словарей, для кодификации языка. Фиксация аутентичных форм в целом служит целям сохранения исчезающего языка.

В лексико-семантической группе «Жилые постройки» выделяются единицы, обозначающие временные жилища, и единицы, указывающие на круглогодичное проживание. Описание языкового материала осуществляется с привлечением данных из других тюркских языков, служащих фоном истории становления языка шорцев.

Результаты и обсуждение

Лексемы, обозначающие временные постройки

АЛАНЧЫК. Общетюркское слово *alačik* ‘шалаш’ (в фонетических вариантах) отмечено в древнетюркских языках, в тюркских языках раннего средневековья (др.-уйг., крх.-турк., ср.-кыпч., чаг., ст.-осм.). В современных тюркских языках и диалектах эта единица представлена в группах: огузской (тур., турк.), кыпчакской (кум., ккал., тат. диал., баш., каз., кир.), булгарской (чув.). В отдельных тюркских языках лексема развила значения ‘сарай для сена’, ‘хлев’, ‘предбанник’, ‘двор’, др. [10, с. 131; 5, с. 497].

В языках сибирских тюрков зафиксированы формы: алт. тел. *аланчык* ‘круглая войлочная юрта’; ‘обруч из прутьев, охватывающий жерди айыла’, хак. *алачых* ‘летнее хакасское жилище конусообразной формы из жердей, покрытое берестой или кошмой’; тув., тоф. *alažu*, як. *alaha* ‘родной дом, домашний очаг’ [10, с. 131; 6, с. 497; 11, с. 16; 12, с. 51; 13, с. 13].

В структуре лексемы вычленяется аффиксы уменьшительности $=\kappa$, $=чу$ (с вариантами). Соответственно, в качестве основы рассматриваются формы **алаң ~ *алаz ~ *алаv ~ *ала*. Варьирующиеся конечные согласные основы обнаруживаются в диалектных формах турецкого языка [10, с. 131].

Слово *аланчык* ‘ю尔та из жердей, покрытая корой и иногда войлоком’, ‘шалаш’, как отмечает В. И. Вербицкий, используется в томском и верхнекондомских говорах шорского языка [14, с. 18]. Это слово Э. Ф. Чиспияков относит к словам пассивного фонда в шорском языке [2, с. 162].

ЙАЙЛАГ. Лексема *jайлaq*, отмеченная для кондомского диалекта шорского языка, а также тел., н.-б. *jaулу* ‘летнее жительство’, ‘летник’ (‘летняя юрта’, ‘летнее кочевье’) [14, с. 69], имеет параллели с хак.

чайлаг ‘летник’, ‘летняя усадьба’ (а также ‘летнее пастбище’), тув. ‘летнее жилье’, баш. йәйләү ‘войлочная юрта’ (баш.) [12, с. 927; 15, с. 78].

Единицы *jaulu ~ jайлаг* относятся к общетюркскому фонду, представляют собой субстантивные дериваты глагола *йа:йла=* (< **йа:й* ‘лето’). Однако в большинстве тюркских языков единица *jaulu ~ jайлаг* (в фонетических вариантах) обозначает ‘пастбище’ (аз., тур., турк., тур., ног., кум., ккал., уйг., лоб., кир., каз., тат., алт., хак., тув.), ‘летняя стоянка кочевников’ (тат., баш.), ‘летнее кочевье’ (алт.) [15, с. 78–79].

ОТАГ. Общетюркское слово *otay* ‘шалаш, шатер’ (в фонетических вариантах) отмечено в древнетюркских языках, в тюркских языках раннего средневековья (др.-уйг., вост.-турк., чаг., осм.). В современных тюркских языках и диалектах эта единица представлена в группах: огузской (аз., тур., турк.), карлукской (узб., уйг., лоб.), кыпчакской (кум., ккал., кбал., ктат., ног., тат. диал., баш., каз., кирг.). В отдельных тюркских языках лексема развила значения ‘стан’, ‘жилище’, ‘очаг’, ‘род’, ‘семья’, др. Форма *oda* имеет значение ‘комната’ (тур., гаг., ктат., кар., уйг.) [10, с. 484–485; 6, с. 496].

В языках сибирских тюрков зафиксированы формы: алт. *оду* ‘стан, шалаш’, хак. *отах* ‘шалаш’, *от отах* ‘шалаш, покрытый травой’, *хахпас отах* ‘шалаш, покрытый корой’; тув., тоф. *otay* ‘охотничий стан, бивак, стоянка с костром’, якут. *оттуу* ‘укрытие, стоянка с шалашом из сена’, шор. *одаг* ‘шалаш, балаган’ [11, с. 114; 16, с. 57; 12, с. 317; 13, с. 17; 17, с. 35].

Этимон лексемы *otay* связывают с омонимами: *ot* ‘огонь’ [6, с. 496] или *ot* ‘трава’ [10, с. 485]. Тюркское слово в качестве заимствования вошло в славянские языки. Так, по данным F. Miklosich в польском языке *otak* ‘мелочная лавка’, *oda* ‘комната’, в болгарском и сербском *odaja* ‘комната’ являются тюркского происхождения [10, с. 487]. В русские говоры Сибири лексема *otay* вошла в форме *отоги* ‘место у костра для ночевки в зимнее время’ [18, с. 412].

В шорском языке рассматриваемое слово имеет фонетические варианты. Форма *одаг* фиксируется в нижнекондомском говоре кондомского диалекта (улус Тагдагал, современный г. Осинники) [19, с. 14], в нижнемрасском говоре мрасского диалекта (улус Томазак, современный г. Мыски) [20, с. 267]. Форма *одаң* отмечена в верхнемрасском говоре мрасского диалекта [Там же, с. 262–264], а также в других местах проживания шорцев по реке Мрассу: в селе Корай [21, с. 40–41], в селе Чувашка [Там же, с. 33]. Как отмечено выше, в верхнекондомских говорах в значении ‘шалаш’ используется слово *аланчык*, близкое слову хакасского языка *алачык* ‘шалаш’, отнесенному к историзмам [12, с. 51].

В говорах шорского языка аналоговая единица реализуется в вариантах *одаг* ~ *одаң* (о чередовании *г* ~ *ң* см. [2, с. 128; 140]). Форма *одаң* используется в томском говоре мрасского диалекта шорского языка, что подтверждают тексты охотничьих рассказов М.П. Амзорова и А.И. Чудоякова [21, с. 24–36; 39–41].

В шорских текстах лексема *одаг* ~ *одаң* употребляется в трех основных значениях. Так, объект, именуемый *одаг*, определяется этнографами как ‘летний шалаш, каркасное строение в форме усеченной пирамиды’ [22, с. 99]. В культуре тюрков подобное сооружение используется в процессе свадебного ритуала. Значение ‘шалаш, шатер для молодоженов, комната для молодых’ лексемы *отай* отмечено в нескольких тюркских языках. На территории Саяно-Алтая ‘свадебный шалаш невесты’ в алтайском языке обозначается как *оду* (<*одаг*), а в хакасском языке – *алачыл* [10, с. 485; 12, с. 51].

Временное жилище в форме конуса, приготовленное из тонкоствольных березок и покрытых берестой (*одах*), как элемент свадебного обряда кондомских шорцев описывает В.И. Вербицкий: «*Одах*, или супружеская юрта стоит три дня. <...> Супружеский *одах* готов, но юрта, которую жених, по неизменному обычаю для сожительства с молодою жененою, должен выстроить новую, стоит еще без чувала» [23, с. 113].

Слово *одаг* в шорском языке относят и к утепленному строению, пригодному для круглогодичного проживания [22, с. 100]. В таком значении слово *одаг* употреблено в тексте о богатом шамане. На русский язык слово *одаг* традиционно переводится как *юрта*: *Ааң ооллары кижи алганда ол пала сай тир пашиңа одаг тургусқан полтур* (н.-мр.) ‘Когда его сыновья женились, он каждому отдельную юртуставил’ [20, с. 290–293].

Актуальным для шорского языка является значение *одаг* ~ *одаң* – ‘охотничий балаган’. Охотничий сезон открывается зимой. Чтобы построить *одаг*, охотники убирали снег до самой земли и устилали площадку лапником (ветвями хвойного дерева). Стволы сосенок, устанавливаемые наклонно к растущему около площадки дереву, покрывали лапником. Внутри устраивали место для очага (сведения А. В. Адрианова, Д. Ярославцева в: [Там же, с. 395–396]). Примеры из диалектов и говоров: *Ол тайгага келип, одаг тургужуп, шачынганнар. Анаң аңна пергеннер* (н.-мр.) ‘В ту тайгу приди и балаган поставя, моление совершили. После того стали промышлять’ [Там же, с. 254, 256]; *Ээде от қажында эрбектешкенимисче, улуг кижилер одаңа чылылжса пердилер* (том.) [21, с. 34] ‘Пока мы около очага беседовали, в балагане стали собираться взрослые (охотники)’.

Лексемы, обозначающие круглогодичное проживание

В тюркских языках звуковой комплекс из гласной переднего ряда и конечной согласной, каждый из которых вступает в отношения альтернации, составляет единицу с семантикой ‘дом’. Гласный звук этой единицы варьируется по подъему и огубленности: *i ~ e ~ ö ~ ё*. Альтернации конечного согласного являются закономерными для тюркских языков и диалектов: *b ~ v ~ p ~ m ~ γ ~ j*. Фонетический облик единицы модифицируется протезами и элизией [10, с. 513].

Формы единицы с семантикой ‘дом’ с лабиальным ауслаутом: *eb ~ ev ~ ib ~ ep ~ em*: др.-т., саг., койб. *eb*, др. уйг., осм., чаг., аз., тур., ктат., кар. к. *ev, jev*, др.-т. *ev, ew*, хак. *ib*, кач. *ip*, др.-уйг., койб., кызыл., кюэр., к. *er*, шор. *em*, шор. диал. *öt*, алт. диал. (туба) *iiw* [10, с. 513]. Конвергентную черту этих форм можно считать огузской, проявляемую в западных, центрально-азиатских и сибирских диалектах.

Форма эм ‘дом’ является общешорской, хотя другие огласовки сохраняются в говорах. Дериват этой единицы: эмдеги ‘хозяйка’, ‘жена’; ‘домашний’ [17, с. 73].

Денотат ‘дом’ в реальности представлен разными типами жилища. До взаимодействия с русскими (начало XVII в.) жилище строилось из бревен, образующих конус. Следует отметить, что в отечественной традиции конусообразные строения коренного населения именовались «юрта» [18, с. 718]. Однако в тюркских языках слово *йурт* > *юрта* в большей степени относится к территории (стойбище, селение, родина, др.) [15, с. 254–255; 24, с. 215–228].

Под влиянием переселенцев коренное население на территории Шории перенимало конструкцию из бревен типа «изба». В XVIII в. для крещеных в православие «инородцев» строились избы в отдельных поселениях [23, с. 9; 2, с. 9].

Фонетический вариант *öm* обнаружен в верхнеморасском говоре на р. Анзасс: *Аңнат чörүп наныбыскан. Алында öлген кижилердиң кижси чатпаанчыған эски öмнөр полғаннар* [11, с. 328–329] ‘С охоты (я) домой возвращался. Передо (мной) умерших людей нежилые дома были’.

В верхнеморасских говорах возможен вариант *öb* (> *öbüñge*): *Анаң пазоқ ўжүңчизин öbüñge чептири-пара-чör, пазоқ, қабын тала шаптыр, түжүрбискен* ‘Потом снова в третий раз, когда (он) почти дошел и донес рыбу уже до дома, опять рыба прорвала мешок, и он ее уронил’ [20, с. 236–237].

В речи одного и того же лица формы *ep* (эбенең) ~ *эм* (эмде) чередуются: *Улуг кижси öлгенде ааң сүрүнези қанче-қанче күнгө шығара чатқан эбенең чарыл полбаан эбере чörча. Кижси öлген соонда ол эмде*

чети қүнге шығара қарагызын от койча ‘Когда умрет взрослый человек, его душа в продолжение нескольких дней ходит кругом дома, где этот человек жил, не в силах отойти (оттуда). После того как умрет человек, в его доме в течении семи дней ночью горит огонь’ [20, с. 334–335].

Дериват эпчи ‘женщина’, ‘жена’ (< эп ‘дом’) отмечен для говоров мрасского диалекта шорского языка (н.-мр., в.-мр.), в верхнекондомском говоре – *апкай* (ап < эп, =кай – ум.-ласк. аффикс) [1, с. 174]. В словаре [17, с. 73] эпчи приводится с семантикой ‘женщина’.

Фонетическая форма эм ‘дом’ как литературная норма используется в шорской учебной и в авторской литературе XX–XXI вв.: *Ол темде аймақтарда магат чаңышы эмнегер көдүрдүлөр* [21, с. 36] ‘В то время в селах очень хорошие дома возводили’ (из рассказа А. И. Чудоякова, п. Корай, томский говор мрасского диалекта); *Түк-малды чаңышы тапқанды, эмге аңчылар ўргүнүүшкенче нанчылар* [21, с. 36] (мр.) ‘С хорошей добычей (букв. когда добычу хорошо найдут) домой охотники, радуясь, возвращаются’; *Қашқачақ қыста оол, Ѽзалынаң эм шишен, чада пертирлер* ‘Парень с девушкой-кашкачачкой, построив отдельный дом, стали жить’ [2, с. 407] (мр.; *кашкачак, кашкачачка* – люди недружественного племени).

Формы со среднеязычным *j* используются в огузских и кыпчакских языках и диалектах: турк., тур. диал., уз. диал., уйг., лоб., тар., чаг., казан., каз. *öj* ‘дом’ [10, с. 513]. В языках Алтайского нагорья: алт. *үй* ‘дом, жилище, юрта’, тел. *յүй* ‘дом’, шор. диал. *үй* ‘дом’ (к.) [11, с. 171; 16, с. 94; 17, с. 59; 2, с. 128]. В.И. Вербицкий форму *үй* ‘дом’ отметил для нижнекондомских и томских говоров кузнецких инородцев и верхне- и нижнебийских говоров алтайцев: *үй кижи(зи), үй ээзи* ‘женщина’ (‘дом’ + ‘человек’, ‘хозяин’). Корень *үй* ‘дом’ есть в производном слове *үйчек* ‘гробница, надмогильный сруб’ [14, с. 411].

Формы с гуттуральным ауслаутом *γ* отмечены для небольшого ареала: тув. *öγ*, шор. диал. *уг* (в.-к.), *յγ* (в.-мр.) ‘дом’ [10, с. 513; 14, с. 398; 2, с. 414]. Производные формы в верхнекондомских говорах: *յгези кижи ~ ѹгэзэ кэжэ ~ ѹгесе кижи* ‘женщина, жена’ [2, с. 174].

Форма с ауслаутом *γ* может быть объяснена действием субстратов, а также нельзя не учитывать внутриязыковые закономерности чередования *j* ~ *γ*. На территории Шории единицы с ауслаутом *γ* используются в вехнекондомском и верхнемрасском говорах: *угда къжил’еръна ул’уг езен айдь бер* (в.-к.) [2, с. 414] ‘дома своим людям большой привет передавай (букв. скажи)’; *Шаалга аара қузук одуң тик салтырлар, от чалбырап койча: ѹг шиши чарық та, изиг да* [21, с. 97] ‘Из-за того, что в очаг положили кедровые поленья, огонь горит, потрескивая: внутри дома ѹг и светло’ (в.-мр., из рассказа Ф.С. Чиспиякова).

В мрасских текстах (рассказы Ф.С. Чиспиякова) выявляется составное слово қас-үг, построенное по принципу изафета-І. Единица қас является названием племени качинцев, соседствующем с мрассцами. В хакасском языке качинцы закономерно обозначаются как хаас [12, с. 767].

Көзүнек чоқтаң аара қас-үг иштинде күн шалбаанча [21, с. 66]
‘Из-за того, что в жилище қас-үг нет окна, солнце его не освещает’;

<...> чуладақ қажында қас-үг түдүнепча. <...> Қас-үгдин ишти постарыңың-ок өшқаш: эбире чалбақ оруңнар, эжиктиң сол чанда шаал ‘... на берегу речушки юрта дымится (дым выходит из отверстия на вершине строения). <...> Внутри юрта такая же, как у них: кругом нары, слева от двери шаал (очаг)’ [2, с. 404].

Лексема *örgө* ‘дворец’ (в фонетических и семантических вариантах) отмечена в основном в тюркских ареалах Средней, Центральной Азии и Сибири: др.-т., чаг., вост.-турк., кир., турк. диал., алт., тел., хак., тув., шор., лоб. [10, с. 546].

Семантика рассматриваемой лексемы охватывают значение ‘жилое помещение’: ‘дом, богатая юрта героя, замок, ставка правителя, храм’, як *ürgüö d'ie* ‘юрта для свадебного обряда’. Тюркские лексемы Г. Рамстедт, М. Рэсэнен, Б.Я. Владимирцов возводят к монгольским формам, семантику которых можно обобщенно обозначить как ‘ставка’. В монгольской и тюркской формах слова отмечается наличие генетически общей производной основы – глагола с семантикой ‘поднимать’, ‘возводить’. Значение ‘возвышение’ наличествует в единицах: чаг. ‘возвышенность для установления юрты’, тат. диал. ‘фундамент’, др.-т., лоб. ‘tron, престол’ [10, с. 547; 6, с. 502].

В шорском языке слово *örgө* ‘дворец’ является маркером эпического текста: Улуг чуртуң орта черде алты азақтыг алтын *örgө* турган полтыр (к.) [19, с. 10] ‘В середине земли великих поселений шесть опор имеющий золотой дворец стоит, оказывается’; Алтын *öргең* иштинде қарғаның қаны қара албатқы чоннуң тийи Қаан-Арго печелиг Қан Мерген чуртапча (мр.) ‘Внутри золотого дворца царь воронов, черного подданного народа начальник, имеющий старшую сестру Кан Арго, Кан Мерген живет’ [20, с. 82–83].

Лексические единицы, рассмотренные в статье, являются частью исторического профиля шорского языка. Распределение этих лексем в говорах шорского языка показывает контакты населения Шории со времен Раннего Средневековья с племенами, которые в дальнейшем образовали крупные подразделения огузов, кыпчаков, карлуков, булгар. При анализе фонетических форм шорских единиц причины вариативности

форм могут быть объяснены также внутренними закономерностями языка и влиянием субстратов.

Так, лексема *аланчык*, принадлежащая верхнекондомским говорам, имеет параллели с огузскими, кыпчакскими и булгарскими языками. Лексема *одаг* с вариантом *одаң* в говорах шорского языка позволяет провести параллели с единицами в кыпчакских, огузских, карлукских языках.

Единица, обозначающая жилье на летнем пастбище, широко распространенная в языках тюрков, занятых скотоводством, в языке шорцев, жителей тайги, не получила широкого распространения. Лишь в верхнекондомских говорах, носители которых территориально близки к алтайцам, зафиксировано слово *яйлаг* ‘летняя юрта кочевника’.

Фонетические формы единицы **eb* ‘дом, жилище’ составляют многочисленные территории, на которых представлены все фонетические варианты этой единицы: *эн* ~ *ён*, *эм* ~ *ём*, *յг* ~ *ўй*. Поскольку в сводной таблице «Примерное заполнение номинационной решетки “Жилище” в тюркских языках» [25, с. 461–468] отмечены не все шорские варианты: только формы *эм*, *эмдеги* и конд. *ўј* [25, с. 462], в последующих публикациях могут быть учтены результаты данного исследования.

Контакт с монгольскими племенами и «данничество» монголам в средневековье нашло отражение в использовании единицы *öргө* ‘дворец’, ареал которой охватывает тюркские языки Сибири, Центральной Азии и, частично, территорию Предуралья.

В отношении кодификации шорского языка можно отметить, что естественные процессы привели к установлению единой литературной единицы со значением ‘дом’ – форму *эм*, хотя это слово имеет омоним *эм* лекарство. Остальные фонетические формы стали стилистически окрашенными, их можно отнести к историзмам, поскольку они обозначают такие конструкции жилищ, которые сейчас не используются, но их использование возможно при расширении семантики. Так, слово *öргө* ‘дворец’, встречающееся в эпических текстах, может найти применение в контекстах ‘дворец спорта’ и под.

Отмеченные параллели с единицами из всех генетических групп тюркских языков, несомненно, отражают динамику миграций тюркских племен в определенные исторические периоды. Состав шорской лексико-семантической группы не включает слова, обозначающие разные виды кибиток, отмеченные для языков тюркских народов, населяющих степи [6, с. 502]. Эта особенность является характеристикой языков народа, проживающего в тайге. Слово, обозначающее средство для перемещения вещей, в шорском языке – *абра* ‘телега’ [17, с. 138]. Однако,

перемещение груза у кочующих автохтонов тайги осуществлялось по узким тропам на нагруженной лошади. Жители таежной зоны при миграции оставляли свои дома (построенные из стволов деревьев) и забирали собой самые необходимые вещи (кухонные и охотничье принадлежности). На другом месте отстраивались новые жилища.

Заключение

Результатом исследования является продукт – компактно представленное описание сегмента шорского лексикона. В анализ были привлечены все имеющиеся данные говоров и диалектов шорского языка.

При современном состоянии шорского языка можно констатировать, что лексико-семантическая группа «Жилые постройки» сформирована. Расширение состава этого лексического подразделения возможно за счет действующих языковых процессов: создания неологизмов на материале родного языка и заимствования лексики. Полученные данные могут быть использованы при разработке новых словарей шорского языка, в практике речевого общения на родном языке, а также в учебной и творческой деятельности. Использованный метод представления фрагмента лексической системы является перспективным для создания лексического тезауруса шорского языка.

Сокращения

Языки и диалекты

- аз. – азербайджанский
алт. – алтайский
баш. – башкирский
вост.-тюрк. – восточнотюркский
др.-т. – древнетюркский
др.-уйг. – древнеуйгурский
диал. – диалект
каз. – казахский
казан. – казанский
кар. – караимский
кар. к. – крымский диалект караимского языка
кач. – качинский
кбал. – карачаево-балкарский
койб. – койбальский
ктат. – крымско-татарский
кpx.-тюрк. – караханидско-турецкий

кир. – киргизский
ккал. – каракалпакский
кум. – кумыкский
кызыл. – кызыльский
кюэр. – кюэрикский
лоб. – лобнорский
н.-б. – нижнебийский
ног. – ногайский
осм. – османский
саг. – сагайский
ср.-кыпч. – среднекыпчакский
тар. – тарачинский
тат. – татарский
тел. – телеутский
тоф. – тофаларский
тув. – тувинский
тур. – турецкий
турк. – туркменский
узб. – узбекский
уйг. – уйгурский
хак. – хакасский язык
чаг. – чагатайский
чув. – чувашский
шор. – шорский
як. – якутский

Диалекты и говоры шорского языка

в.-mr. – верхнеморасский говор
в.-к. – верхнекондомский говор
к. – кондомский диалект
mr. – морасский диалект
н.-mr. – нижнеморасский говор
н.-к. – нижнекондомский говор

Литература

1. Нерознак В.П. Языки малочисленных народов России: проблемы экологии и ревитализации. *Языки народов России. Красная книга. Энциклопедический словарь*. Москва: Academica. 2002.

2. Чиспияков Э.Ф. *Язык, история, культура тюрков Южной Сибири. Собрание научных статей*. Новосибирск: Сибирский хронограф. 2004.
3. *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции* / ред. Э.Р. Тенишев. М.: Наука. 2002.
4. Рассадин В.И. Проблема общности в тюркских языках саяно-алтайского региона. *Тюркологический сборник*. Москва: Наука. 1997:219–231.
5. Широбокова Н.Н. Лексические изоглоссы в «Диалектологическом атласе тюркских языков СССР». *Тюркские ареалы Сибири*. Новосибирск: Академиздат. 2022:148–199.
6. Тенишев Э.Р., Благова Г.Ф., Добродомов И.Г., Дыбо А.В. и др. *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика*. М.: Наука. 1997.
7. Шенцова И.В. Шорская лексика на фоне данных других тюркских языков. Термины «Литературные жанры». *Языки и фольклор коренных народов Сибири*. 2021;1(41):107–122. DOI: <https://doi.org/10.25205/2312-6337-2021-1-107-123>
8. Шенцова И.В. Лексико-семантическая группа «Музыкальные инструменты» в шорском языке. *Российская тюркология*. 2019;(22-23):111–124.
9. Шенцова И.В. Лексемы с семантикой «народ» в шорском языке в ареальном освещении. *Тюркские ареалы Сибири*. Новосибирск: Академиздат. 2022: 234–245.
10. Севортян Э.В. *Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные*. Москва: Наука. 1974.
11. Баскаков Н.А., Тощакова Т.М. *Ойротско-русский словарь*. Москва: ОГИЗ Гос. издательство иностранных и национальных словарей. 1947.
12. *Хакасско-русский словарь. Хакас-орыс сöсткىк* / ред. О.В. Субракова. Новосибирск: Наука. 2006.
13. *Лексика материальной культуры в якутском языке*. Новосибирск: СО РАН. 2025.
14. Вербицкий В.И. *Словарь алтайского и алтадагского наречий тюркского языка*. Изд. 2. Горно-Алтайск: Ак-Чечек. 2005.
15. Севортян Э.В., Левитская Л.С. *Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й»*. М.: Наука. 1989.
16. Рюмина-Сыркашева Л.Т., Кучигашева Н.А. *Телеут-орус сöзлик. Телеутско-русский словарь*. Кемерово: Кемеровское книжное издательство. 1995.
17. Курпешко-Таннагашева Н.Н., Апонькин Ф.Я. *Шорско-русский и русско-шорский словарь*. Кемерово: Кемеровское книжное издательство. 1993.
18. Аникин А.Е. *Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заемствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков*. М., Новосибирск: Наука. 2000.

19. Токмашов Б.И. *Қаан Оолақ. Богатырское сказание кондомских шорцев*. Новокузнецк: Кузбасская государственная педагогическая академия. 2009.
20. Дыренкова Н.П. *Шорский фольклор*. Москва, Ленинград: Академия наук СССР. 1940.
21. Йлгер. *Книга для чтения на шорском языке* / сост. Г.В. Косточаков. Кемерово: Кемеровское книжное издательство. 1995.
22. Кимеев В.М. *Шорцы. Кто они? Этнографические очерки*. Кемерово: Кемеровское книжное издательство. 1989.
23. Вербицкий В. *Записки миссионера Кузнецкого отделения Алтайской духовной миссии священника Василия Вербицкого*. Новокузнецк: Сретение. 2008.
24. Тюнгешева Е.В., Байыр-оол А.В., Озонова А.А., Шагдурова О.Ю. и др. *Жизненное пространство и духовный мир человека через призму языков Сибири*. Новосибирск: Академиздат. 2021.
25. *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Протюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка* / ред. Э.Р. Тенишев, А.В. Дыбо. М.: Наука. 2006.

References

1. Neroznak VP. Languages of indigenous peoples of Russia: problems of ecology and revitalization. *Languages of peoples of Russia. A Red Book. Encyclopaedic dictionary*. Moscow: Academia. 2002:5–12 (in Russian).
2. Chispiyakov EF. *Language, History, Culture of South Siberian Turks. Collection of articles*. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf. 2004 (in Russian).
3. *Historical Grammar of Turkic Languages: Regional Reconstructions* / ed. ER. Tenishev. Moscow: Nauka. 2002 (in Russian).
4. Rassadin VI. Problem of Turkic Languages Community in Sayan-Altay Region. *Selection of Works on Turcology*. Moscow: Nauka. 1997:219–231 (in Russian).
5. Shirobokova NN. Lexical isoglossic lines in “Dialect Atlas of the USSR Turkic Languages”. *Siberian Turkic Areas*. Novosibirsk: Academizdat. 2022:148–199 (in Russian).
6. Tenishev ER, Blagova GF, Dobrodomov IG, Dybo AV et al. *Historical Grammar of Turkic Languages: Lexics*. Moscow: Nauka. 1997 (in Russian).
7. Shentsova IV. Shor vocabulary against the lexical background of other Turkic languages: terms of “literary genres”. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2021;1(41):107–122 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.25205/2312-6337-2021-1-107-123>
8. Shentsova IV. The Shor namings of musical instruments as a lexical set. *Russian Turcology*. 2019;(22-23):111–124 (in Russian).

9. Shentsova IV. Shor Lexemes Denoting “People” against the Areal Background. *Siberian Turkic Areas*. Novosibirsk: Academizdat. 2022:234–245 (in Russian).
10. Sevortyan EV. *Dictionary of Turkic ethymology. Common Turkic, inter-Turkic roots beginning with vowels*. Moscow: Nauka. 1974 (in Russian).
11. Baskakov NA, Toshchakova TM. *Oyrot-Russian Dictionary*. Moscow: OGIZ, State Publishing of Foreign and National Dictionaries. 1947 (in Russian).
12. *Khakas-orys söstik. Khakas-Russian Dictionary* / ed. OV Subrakova. Novosibirsk: Nauka. 2006 (in Russian).
13. *Yakut lexemes denoting material cultural phenomena*. Novosibirsk: Publishing House: Siberian Department of Russian Academy of Sciences. 2025 (in Russian).
14. Verbitsky VI. *Dictionary of the Altay and Aladag Turks' dialects*. 2nd edition. Gorno-Altaysk: Ak-Chechek. 2005 (in Russian).
15. Sevortyan EV, Levitskaya LS. *Dictionary of Turkic ethymology. Common Turkic, inter-Turkic roots beginning with letters “Х”, “Ж”, “Й”*. Moscow: Nauka. 1989 (in Russian).
16. Ryumina-Syrkasheva LT, Kuchigasheva NA. *Teleut-orus sözlik. Teleut-Russian Dictionary*. Kemerovo: Kemerovo Publishing House. 1995 (in Russian).
17. Kurpeshko-Tannagasheva NN, Aponkin FY. *Shor-Russian and Russian-Shor Dictionary*. Kemerovo: Kemerovo Publishing House. 1993 (in Russian).
18. Anikin AY. *Ethymological Dictionary of Russian Dialects in Siberia. Uralic, Altay, Paleo-Siberian Loan Words*. Moscow, Novosibirsk: Nauka. 2000 (in Russian).
19. Tokmashov BI. *Qaan Oolaq. The Kondom Shor heroic saga*. Novokuznetsk: Kuzbass State Academy of Pedagogics. 2009 (in Russian).
20. Dyrenkova NP. *The Shor Folklore*. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of USSR. 1940 (in Russian).
21. Ülger. *A book for reading practice in Shor* / comp. GV. Kostochakov. Kemerovo: Kemerovo Publishing House. 1995 (in Russian).
22. Kimeyev VM. *The Shor. What are they? Ethnographic essays*. Kemerovo: Kemerovo Publishing House. 1989 (in Russian).
23. Verbitsky V. *Memoirs of Vasiliy Verbitskiy, a priest, member of the Altai Orthodox Mission's Kuznetsk Department*. Novokuznetsk: Sreteniye. 2008 (in Russian).
24. Tyuntesheva EV, Bayyr-ool AV, Ozonova AA, Shagdurova OYu. et al. *Area of Habitation and Human Spiritual Life as an Outlook through Prism of Siberian Languages*. Novosibirsk: Nauka. 2021 (in Russian).
25. *Historical Grammar of Turkic Languages: Pre-Turkic Basic Language. Pre-Turkic people's World View* / ed. ER. Tenishev, AV. Dybo. Moscow: Nauka. 2006 (in Russian).

Об авторе

ШЕНЦОВА Ирина Витальевна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Сектор языков народов Сибири, Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3064-7791>, Scopus Author ID: 57222247404, Elibrary AuthorID: 144345, e-mail: ivshen@yandex.ru

About the author

Irina V. SHENTSOVA – Dr. Sci. (Philology), Chief Researcher, the Siberian Languages Sector, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3064-7791>, Scopus Author ID: 57222247404, Elibrary AuthorID: 144345, e-mail: ivshen@yandex.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted: 31.10.2025

Поступила после рецензирования / Revised: 25.11.2025

Принята к публикации / Accepted: 12.12.2025